

ЖИТИЕ

Св. Великомученика Евстаоія Плакиды, супруги
его и чадъ ихъ. *)

(Заимствовано изъ Четьи-Минси).

Римскій полководецъ Плакида, пользовавшійся за свои воинскіе таланты и подвиги большою славою и уваженіемъ всѣхъ римскихъ гражданъ, жилъ въ Римѣ въ концѣ перваго и началѣ втораго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ. При завоеваніи римлянами Іудей, Плакида былъ въ числѣ предводителей римскихъ войскъ и много выказалъ тогда мужества и знанія воинскаго дѣла. Но кромѣ воинскихъ доблестей, которые хотя и цѣнились тогда римлянами чрезвычайно высоко, и которыми велѣдствіе этого отличались многіе римляне, полководецъ Плакида украшенъ былъ еще и такими добродѣтелями, которыя рѣдко можно было встрѣтить между соотечественниками — язычниками. Онъ отличался необычайною справедливостію, милосердіемъ и чрезмѣрною добротою ко всѣмъ, кто находился подъ его властію. И солдаты-язычники горячо любили своего добраго и храбраго полководца, считая его своимъ отцемъ. Впрочемъ, Плакида былъ добръ и великодушенъ не только со своими солдатами, но и со всѣми людьми вообще:

*) Память ихъ празднуется церковью 20 сентября.

онъ охотно помогаль находящимся въ бѣдахъ, освобождалъ невинныхъ отъ узъ и темницы, щедро даваль милостыню бѣднымъ. Добродѣтелямъ Плакиды подражала и его жена, умная и добрая Теописія. Богъ утѣшилъ эту добродѣтельную чету тѣмъ, что у нихъ родились два сына, которыхъ родители любили безъ памяти. Хотя Плакида и Теописія были язычники, но самая тѣсная дружба, самыя сердечныя отношенія украшали ихъ супружескую жизнь, а это было большою рѣдкостью въ тогдашнемъ развратномъ языческомъ обществѣ. Надо полагать, что добродѣтели сіи развились въ нихъ благодаря вліянію христіанъ, о жизни и подвигахъ которыхъ они, вѣроятно, слышали не разъ. Быть можетъ, они и сами подумывали уже о томъ, чтобы оставить язычество и перейти на сторону гонимыхъ христіанъ, къ религіи которыхъ ихъ чистыя души чувствовали особое благодатное влеченіе, но Господу было угодно, чтобы ихъ обращеніе ко Христу совершилось послѣ особеннаго чудеснаго событія въ ихъ жизни.

Однажды Плакида вмѣстѣ съ многочисленною своею свитою отправился на охоту. Охотники въ Аппенинскихъ горахъ встрѣтили стадо дикихъ оленей и погнались за ними. Увидя самаго большаго и весьма красиваго изъ всего стада оленя, Плакида погнался за нимъ, опередилъ свою свиту и вскорѣ совершенно скрылся отъ ея глазъ. Спасаясь отъ своего преслѣдователя, олень спускался въ пропасти, подымался на крутыя горы, переплываль быстрыя рѣчки, мчался по дремучимъ лѣсамъ, но Плакида всюду слѣдовалъ за нимъ. Долго скакаль Плакида за оленемъ, не теряя его изъ виду, пока не достигъ одного весьма живописнаго ущелья, надъ которымъ возвышался высокій утесъ; съ быстротою молніи взобрался олень на этотъ утесъ и остановился. Плакида не спускаль глазъ съ оленя и вдругъ увидѣль, что верхушка утеса озарилась чуднымъ свѣтомъ, посреди котораго сіяло крестное знаменіе. Такое не-

ожиданное явленіе поразило Плакиду; еще болѣе смутился онъ, когда услышалъ голосъ: „Плакида, почему не исповѣдуешь ты истинную вѣру? По своей жизни и чувствамъ ты уже служишь Христу, не зная самъ о томъ. Твое милосердіе, твои добрыя дѣла, твоя благочестивая жизнь угодны Господу; и Господь призываетъ тебя теперь въ лоно Своей св. церкви. Человѣкъ чистой жизни не можетъ поклоняться кумирамъ и долженъ исповѣдывать Христа!“ Сначала смущенный, а затѣмъ въ страхѣ и ужасѣ стоялъ Плакида и слушалъ неизвѣстно откуда раздававшійся голосъ. Наконецъ, пришедши въ себя и обративъ взоры на небо, онъ спросилъ: „Чей это голосъ? Кто говоритъ со мною?“—„Я — былъ отвѣтъ — говорю съ тобою во имя Того, кто создалъ звѣзды и твердь небесную, мѣсяцъ и солнце, день и ночь и зарю утреннюю; иди въ городъ, съищи служителя Христова и крестись отъ него; онъ научитъ тебя пути ко спасенію“. Послѣ этого блескъ, озарявшій утесъ, усилился, а затѣмъ исчезъ. Плакида палъ на колѣна, горячо началъ молиться и въ этой молитвѣ забылся. Солнце уже скрылось за горы, тѣнь легла въ глубокое ущелье. Плакида пришелъ въ себя, сѣлъ на коня и отправился домой. Между тѣмъ семейство Плакиды и его свита были въ сильной тревогѣ. Особенно тревожилась супруга Плакиды: цѣлыхъ два дня, послѣ того какъ мужъ ея отправился на охоту, она не получала о немъ никакихъ извѣстій. Горячо любя мужа, она испытывала мучительное безпокойство и терялась въ догадкахъ. Въ такомъ тяжеломъ состояніи прошелъ и третій день. Измученная женщина задремала; но скоро одна изъ служанокъ, разбудивъ ее, возвѣстила о прибытіи Руфа, сопровождавшаго на охоту военачальника. „Вернулся! Вернулся одинъ!“ воскликнула съ тяжелымъ предчувствіемъ несчастія скорбная жена. „Скорѣе, скорѣе веди его сюда!“ Вскочивъ съ своего ложа и вся дрожа отъ волненія, она побѣжала навстрѣчу прибывшему. „Говори, Руфъ, спрашивала она, говори: гдѣ онъ?“

Что случилось съ нимъ и почему ты оставилъ его? Ты былъ всегда вѣрнымъ его спутникомъ и никогда не оставлялъ его даже и въ сраженіи! Меня мучаетъ твое молчаніе: говори скорѣе! Говори всю правду, не мучь меня. Не упалъ ли онъ въ пропасть? не былъ ли растерзанъ дикимъ звѣремъ?“ Руфъ понималъ тяжелое состояніе супруги своего начальника, жалко ему было ее, но обстоятельства заставляли его открыть всю истину. „Нѣтъ, говорилъ онъ въ отвѣтъ страдающей женщинѣ, ничего подобнаго не случилось съ нашимъ полководцемъ; но онъ во время охоты скрылся изъ нашихъ глазъ, и надо думать, что заблудился въ горахъ и лѣсахъ. Вчера мы встрѣтили стадо оленей такого огромнаго роста, какого я никогда не видалъ, и твой супругъ погнался за однимъ изъ нихъ; наши кони не могли поспѣть за конемъ твоего супруга, и мы потеряли его изъ виду. Долго мы искали своего храбраго полководца, взвѣзжали на горы, спускались въ глубины ущелья, долго поджидали его у опушки лѣса, но все напрасно... Наши измученные кони не могли дольше служить намъ. Напрасно мы звали пропавшаго: одно эхо отвѣчало намъ; собаки пришли назадъ, не имѣя крови на мордахъ, не поймавъ никакого звѣря. Наступила ночь, затѣмъ смѣнилась день. Мы снова принялись искать своего господина: снова объѣхали весь лѣсъ, взбирались на горы, искали въ глубокихъ ущельяхъ, но нигдѣ не могли найти твоего супруга, и я рѣшилъ воротиться домой. Благородная госпожа! Тебѣ извѣстно, что я искренно преданъ твоему господину, готовъ отдать за него послѣднюю каплю крови; но, несмотря на все мое усердіе, на все мое желаніе, я не могъ нигдѣ найти ни малѣйшаго слѣда“. Неутѣшительны были вѣсти Руфа. Супруга Плакиды еще болѣе смутилась ими; сердце ея мучительно билось подъ тяжестію мрачныхъ предположеній; но вдругъ она получаетъ вѣсть отъ слуги о возвращеніи своего супруга. Плакида дѣйствительно въ это время уже былъ около своего дома. Войдя въ свои покои, онъ

подалъ знакъ, чтобы всѣ вышли, и остался наединѣ съ своею супругою. Онъ разсказалъ ей все, что съ нимъ случилось, и прибавилъ: „нынѣ же я приведу въ порядокъ свои дѣла и пойду въ катакомбы къ христіанскому епископу. Я знаю людей, которые мнѣ уважутъ туда дорогу“. — „О, другъ мой! сказала супруга Плакиды, разсуди основательно свой поступокъ, обдумай его прежде, какъ слѣдуетъ. Прими во вниманіе, какъ презираютъ христіанъ, какимъ жестокимъ мученіямъ и пыткамъ подвергаютъ ихъ“. Но Плакида замѣтилъ на это: „знаю это, знаю; однако я вѣрую, я убѣжденъ, что душа моя дороже моего тѣла. Погубивъ тѣло, я спасу свою душу. Напрасно ты пытаешься поколебать мое рѣшеніе. Помни, что долгъ добродѣтельной и любящей супруги поддерживать и ободрять мужа въ его добрыхъ намѣреніяхъ, а не останавливать его изъ-за разчетовъ на земное благополучіе“. Этыхъ словъ было вполне достаточно для супруги Плакиды: она не стала болѣе возражать мужу. Въ то время (въ началѣ 2 вѣка) положеніе христіанъ было весьма стѣснительное. То время было временемъ гоненія на христіанъ. Плакида зналъ это и рѣшилъ выполнить свое намѣреніе ночью, такъ какъ это время было наиболѣе удобно. Наступила ночь... Нѣсколько лицъ, закутанныхъ въ мантіи, вышли безпрепятственно изъ воротъ города, потому что между ними находился Плакида, человекъ всѣмъ извѣстный и всѣми уважаемый. Рядомъ съ нимъ шла женщина, окутанная покрываломъ, — это его супруга. Она вела за руку двухъ малютокъ. Только что поднявшіяся съ постелекъ, выведенныя ночью изъ дома, дѣти испуганно держались за платье матери, и ихъ мелкіе шаги раздавались вмѣстѣ съ твердыми тяжелыми шагами отца, ступавшаго по плитамъ спящаго города. Всѣ шли дальше и дальше, прошли загородные дома богатыхъ римлянъ и достигли мѣста, откуда брали прежде песокъ для римскихъ построекъ. Провожатый Плакиды отыскалъ отверстіе, тщательно прикрытое камнями и мусоромъ, —

то были входы въ катакомбы. Онъ пролѣзъ въ отверстіе, спустился въ корридоры и пошелъ по ихъ темнымъ извилинамъ съ увѣренностію бывалаго человѣка. Жена Плакиды и его дѣти слѣдовали за нимъ и были приведены къ епископу.

Разсказавъ о случившемся съ нимъ, Плакида просилъ у епископа крещенія. Служитель церкви прославилъ Господа и крестилъ пришельцевъ. Плакида во святомъ крещеніи получилъ имя Евстаѳія, жена его названа была Теопистія, а дѣти — Агапіемъ и Теопистомъ. Послѣ крещенія епископъ сказалъ слово, въ которомъ поучалъ, что должно мужественно, презирая всякія бѣды и муки, исповѣдывать вѣру Христа. Послѣ приобщенія св. таинъ новокрещенные были отпущены домой. Благодать Божія просвѣтила ихъ души и усладила ихъ сердца.

Рано утромъ, на слѣдующій день, Евстаѳій сѣлъ на коня и отправился на то мѣсто, гдѣ ему явилось знаменіе креста. Здѣсь онъ упалъ на землю и горячо благодарилъ Господа за то, что Онъ просвѣтилъ его вмѣстѣ съ семействомъ свѣтомъ истинной вѣры. Въ отвѣтъ на эту молитву снова раздался голосъ: „Евстаѳій, ты долженъ на самомъ дѣлѣ доказать свою вѣру, надежду и любовь ко Мнѣ; онѣ же познаются не въ богатствѣ и благополучіи, а въ нищетѣ и напастяхъ. Въ будущемъ тебѣ предстоитъ испытать многія скорби и за нихъ ты получишь вѣнецъ изъ рукъ Моихъ“. — „Господи! отвѣчалъ Евстаѳій, твори со мною, что хочешь: я готовъ съ благодарностію принять все изъ рукъ Твоихъ; я готовъ, какъ рабъ, терпѣть все, что Ты на меня возложишь“. Голосъ спросилъ: „Когда ты хочешь претерпѣть скорби: теперь или въ послѣдніе дни твоей жизни?“ Евстаѳій отвѣтилъ на это: „Если надлежитъ мнѣ, Господи, испытать искушенія, то ниспошли ихъ теперь; только помоги мнѣ, чтобы зло не побѣдило и не отторгло меня отъ любви Твоей“. Тогда Господь сказалъ: „Благодать Моя будетъ съ тобою, она будетъ хранить тебя. Послѣ многихъ

скорбей Я снова тебя утѣшу, прославлю на небесахъ, будешь почитаться ты и среди людей“. Послѣ такой бесѣды Евстаѳій возвратился домой съ полною готовностію претерпѣть все, чтобы съ нимъ ни случилось. Онъ передалъ о бывшемъ ему откровеніи своей супругѣ, открылъ ей о предстоящихъ напастяхъ и скорбяхъ и о своей рѣшимости быть мужественнымъ и непоколебимымъ въ вѣрѣ во Христа. „Воля Господня, сказала въ отвѣтъ Плакидѣ Теоностія, да будетъ съ нами! Мы только будемъ молиться Господу и просить Его, дабы Онъ далъ намъ силу и терпѣніе“. Тяжелыя испытанія не замедлили посѣтить Евстаѳія - Плакиду. Первымъ несчастіемъ было лишеніе всего состоянія. Отъ заразной болѣзни померли въ домѣ Плакиды почти всѣ слуги и служанки и погибъ его многочисленный домашній скотъ. Смерть, пожирившая все окружающее, смутила Евстаѳія. Боясь за жизнь своей дорогой супруги и любимыхъ дѣтей, онъ покинулъ свой домъ. Воры воспользовались отсутствіемъ Евстаѳія, забрались въ его домъ и похитили изъ него все, что только можно было похитить. Евстаѳій изъ богатаго человѣка сдѣлался бѣднякомъ. И тогда онъ почувствовалъ всю непрочность прежнихъ дружественныхъ отношеній: его знакомые, люди богатые отшатнулись отъ него, позабыли о прежнемъ знакомствѣ съ нимъ и даже стали относиться къ нему съ презрѣніемъ. Такая черная неблагодарность, такая кровная обида смутила Евстаѳія; презрѣніе людей, находившихся съ нимъ прежде въ близкихъ отношеніяхъ, слишкомъ чувствительно было для Евстаѳія; онъ не въ состояніи былъ подавить въ себѣ чувство горести и обиды, вызванныхъ въ немъ высокоуміемъ и чванствомъ прежнихъ друзей; а потому рѣшился покинуть Римъ, въ далекой странѣ скрыть свой санъ и, никѣмъ не узнаваемый, жить тамъ въ тишинѣ и смиреніи.

Покинувъ своихъ домашнихъ, которыхъ осталось немного, и то больныхъ, Евстаѳій съ супругою и двумя сыновьями въ бѣдныхъ одеждахъ вышли ночью изъ своего дома, отправились на корабль, съ начальникомъ

котораго Евстаѳій уговорился перевезти его съ семействомъ въ Египеть за ничтожную плату. Какъ человекъ коварный и жадный до наживы, начальникъ корабля задумалъ отнять у Евстаѳіа его супругу, зная, что за ея красоту можно получить значительную сумму денегъ. И вотъ, когда корабль достигъ береговъ Африки, начальникъ приказалъ высадить на берегъ Евстаѳіа и его двухъ сыновей, а Теописію оставилъ на кораблѣ. Евстаѳій, не имѣя помощи, со слезами просилъ нечестивца не разлучать его съ супругой, но злодѣй обнажилъ мечъ и хотѣлъ убить его. Евстаѳій былъ принужденъ оставить всѣ попытки возвратиться къ себѣ супругу. Корабль съ Теописіею поплылъ дальше. Несчастный мужъ стоялъ на берегу, и горькія слезы катились по его лицу; онъ видѣлъ, какъ корабль, распустивъ паруса, быстро удалялся, унося съ собою любезную супругу и мать маленькихъ дѣтей его. Плакала и Теописія, оторванная грубою рукою отъ столь дорогихъ ей и милыхъ ея сердцу мужа и дѣтей. Плакали и бѣдные малютки, лишившіеся своей любимой матери. Одинъ Евстаѳій, несмотря на всю тяжесть искушенія, не возропталъ на Господа. Проливая горькія и жгучія слезы, онъ вознесъ молитву Господу и въ ней нашелъ утѣшеніе. Евстаѳію вспомнились видѣнія въ ущельи Аппенинскихъ горъ и онъ благословлялъ имя Господне. Взявъ за руки своихъ дѣтей, онъ пошелъ по невѣдомой ему странѣ, во всемъ полагаясь на помощь Господа и вполне покоряясь и смиряясь предъ Его волею. Вскорѣ путники встрѣтили быструю рѣку, на которой не было ни перевоза, ни моста. Видя невозможность переплыть ее вмѣстѣ съ дѣтьми, Евстаѳій посадилъ одного сына на берегу, а съ другимъ отправился вплавъ на другую сторону рѣки. Перенесенный сынъ оставленъ на берегу. Евстаѳій отправился за другимъ сыномъ; но переплывъ еще только половину рѣки, вдругъ услышалъ пронзительный крикъ ребенка, къ которому онъ плылъ, и въ ужасѣ увидѣлъ, что огромный левъ схватилъ его сына и, держа въ своей

пасти, побѣжалъ въ пустыню. Евстаѳій ускорилъ плаваніе, рѣшившись отнять у врага своего сына. Онъ какъ бы позабылъ, что врагъ его силенъ, и было-бы совершенно гибельной попыткой вступить въ бой со львомъ безъ всякаго орудія въ рукахъ. Но слишкомъ тяжела и мучительна была потеря сына, и Евстаѳій какъ бы лишился способности соображенія. Вскорѣ новый крикъ совершенно отуманилъ голову Евстаѳія: когда онъ подплылъ къ берегу, на противоположной сторонѣ его волкъ похитилъ другаго ребенка.

Подавленный тяжелыми несчастіями, такъ быстро слѣдовавшими одно за другимъ, Евстаѳій упалъ на землю и долго оставался безъ движенія. Очнувшись съ тяжелымъ сознаніемъ одиночества, онъ однако не предался отчаянію, ибо видѣлъ въ ниспосланныхъ ему испытаніяхъ: перстъ Божій и зналъ, что безъ воли Божіей не падеть ни одинъ волосъ съ головы нашей, и что путь къ небу есть путь тернистый, путь скорбей и страданій. Ободряемый и утѣшаемый такими мыслями, страдалецъ съ умиленіемъ воселикнулъ подобно Іову: „Да будетъ благословенно, Господи, имя Твое святое! Ты далъ, Ты и взялъ. Да будетъ воля Твоя!“

Господь сохранилъ дѣтей вѣрнаго и смиреннаго раба Своего: пастухи погнались за звѣрями и отбили у нихъ малютокъ; но Плакида объ этомъ не зналъ и пошелъ отъ рѣки съ молитвою на устахъ и въ сердцѣ. Въ одномъ селеніи, встрѣтившемся ему на пути, онъ рѣшилъ остаться и сталъ работать у жителей, добывая себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ. Въ часы отдыха Евстаѳій обращался съ молитвою къ Господу и изливалъ передъ Нимъ свои думы и чувства. Много лѣтъ жилъ Евстаѳій въ большой нищетѣ и въ постоянныхъ трудахъ.

Но вотъ Римскую имперію начали тѣснить враги; ворвавшись въ ея предѣлы, они опустошали города и села и повсюду приносили съ собою разореніе и смерть. Римляне стали готовиться къ отпору. Императоръ Траянъ (98 — 117) собиралъ со всехъ сторонъ

воиновъ подъ свои знамена. Побѣдоносно развивались знамена надъ римскимъ войскомъ, мужественно глядѣли солдаты, но все-таки чувствовали важный недостатокъ въ войскѣ, не было опытнаго и храбраго полководца, на котораго можно было бы вполне положиться и предводительство котораго могло бы вполне ручаться за успѣхъ. Императоръ сознавалъ это и не разъ вспоминалъ объ испытанномъ въ бояхъ и искусномъ въ ратномъ дѣлѣ полководцѣ Плакидѣ. Онъ зналъ, что Плакида скрылся, но куда?—не было никому извѣстно. Траянъ издалъ приказъ отыскать Плакиду и назначилъ большую награду тому, кто найдетъ храбраго полководца.

Два солдата, не разъ сражавшіеся подъ предводительствомъ Плакиды, горячо преданные ему, взялись отыскать своего полководца. Отправившись въ Египетъ, они обошли много городовъ и селеній, розыскивая своего любимаго вождя. Наконецъ случайно солдаты пришли въ то селеніе, гдѣ жилъ Евстаѳій, и встрѣтили здѣсь его самого, но не узнали его въ бѣдной одеждѣ. Евстаѳій узналъ солдатъ и обрадовался свиданію, но скрылъ свою радость и ничего имъ не сказалъ о себѣ. Воины объяснили причину своего прибытія, сказали, кого ищутъ, назвали по имени и описали примѣты того, кого ищутъ. Евстаѳій не открылся имъ, но просилъ ихъ остаться отдохнуть. Воины согласились и послѣдовали за Евстаѳіемъ. Евстаѳій привелъ воиновъ къ тому доброму человѣку, у котораго имѣлъ самъ пристанище, и просилъ его угостить пришедшихъ, обѣщаясь за все потраченное уплатить своею работою. Хозяинъ дома съ радостію согласился на просьбу Евстаѳіа и приготовилъ богатое угощеніе воинамъ. Самъ Евстаѳій прислуживалъ воинамъ, носилъ и ставилъ предъ ними чаши и блюда. Невольно вспоминалось ему при этомъ прежнее время, прежній почетъ и уваженіе, когда тѣ же самые воины прислуживали ему, какъ своему полководцу,—и слезы неудержимо показывались на рѣсницахъ его. Плакида удалялся изъ дома, отиралъ тамъ свои слезы и снова начиналъ при-

служивать воинамъ, какъ простой рабъ. Смущеніе Плакиды не укрылось отъ взоровъ воиновъ: они стали пристальнѣе всматриваться въ его лицо. На память имъ стали мало-по-малу приходить черты Плакиды, они видѣли сходство этихъ чертъ съ чертами имъ прислуживавшаго. Припомнился имъ рубецъ на шеѣ Плакиды, образовавшійся отъ глубокой раны, полученной имъ на войнѣ. И воины рѣшили между собою: если такой рубецъ окажется у прислужившаго имъ человѣка, то послѣдній и есть Плакида. Вскорѣ, при поворотѣ головы, воины увидали знакомый имъ рубецъ; тогда они вскочили изъ-за стола, припали къ его ногамъ и, обливаясь радостными слезами, воскликнули: „Ты Плакида! Ты тотъ, кого мы ищемъ! Ты любимецъ царя, о которомъ онъ такъ сильно теперь печалится! Ты римскій полководецъ, по которому тоскуютъ всѣ воины!“ Евстаоій увидѣлъ, что теперь уже невозможно стало скрывать свое званіе, и сказалъ: „Да, я тотъ, кого вы ищете“. Воины, плача отъ радости, вручили Евстаоію царское посланіе, одѣли его, какъ воеводу, въ драгоценныя одежды и просили идти съ ними къ царю. Евстаоій повиновался приказанію Траяна и рѣшился отправиться въ Римъ. Хозяинъ дома и всѣ его домашніе дивились, что въ бѣдной одеждѣ работника жилъ среди нихъ такой важный сановникъ, и во всемъ селеніи говорили: „великій человѣкъ жилъ между нами“. Собравшись къ дому гдѣ жилъ Плакида, поселяне кланялись ему и просили его не гнѣваться на нихъ за то, что не почтили его прежде. При отъѣздѣ Евстаоія жители устроили ему проводы, воздавъ послѣднюю честь. Когда Евстаоій прибылъ въ Римъ, народъ принялъ его съ восторгомъ, царь съ почетомъ. Всѣ съ умиленіемъ слушали рассказъ Плакиды о случившемся съ нимъ несчастіи. Императоръ поставилъ его главнокомандующимъ войсками и, какъ бы награждая за прежнюю скорбную жизнь, осыпалъ его своими милостями. Почетъ и слава не смутили Евстаоія; онъ зналъ, что все въ рукахъ Божіихъ, и смиренно

принялъ воздаваемыя ему почести, какъ прежде въ глубокомъ смиреніи переносилъ скорбь о потерѣ жены и дѣтей. Уже 80-лѣтній старецъ, Евстаѳій горячо отдался порученному ему дѣлу. Въ виду малочисленности войска, онъ собралъ для пополненія его юношей изъ римскихъ городовъ и селеній. Между новобранцами были приведены и два юноши: Агапій и Теописъ. Евстаѳій усердно приготовлялъ всѣхъ къ войнѣ, обучалъ солдатъ, давалъ наставленія ихъ начальникамъ и наконецъ повелъ войско противъ враговъ. Всеобщее довѣріе и любовь къ полководцу воодушевляли воиновъ, его опытность и военные таланты ручались за успѣхъ дѣла. Дѣйствительно, римскія войска съ неудержимою силою, подобно бурному потоку, нахлынули на враговъ и смяли ихъ. Самъ Евстаѳій, по старости не будучи въ состояніи ѣхать верхомъ, слѣдовалъ за войскомъ въ колесницѣ. Не проливая безъ нужды человѣческой крови, не допуская жестокихъ отношеній къ побѣжденнымъ, Евстаѳій, какъ истый христіанинъ, щадилъ всякаго человѣка, какой бы вѣры онъ ни былъ. Случилось, что передовыя части войска (авангардъ), преслѣдуя враговъ, по неосторожности и горячности одного изъ начальниковъ попали въ засаду; опасность была большая; всѣ были бы непремѣнно истреблены здѣсь. Но два юноши изъ нумидійскаго отряда, увидѣвъ бѣду, привели подкрѣпленіе; сами они сражались, какъ львы, и спасли отъ явной смерти весь передовой отрядъ арміи. О необычайномъ мужествѣ и рѣдкой отвагѣ юношей было донесено главнокомандующему. Призвавъ ихъ къ себѣ, онъ спросилъ, не братья ли они; юноши отвѣтили, что они друзья, но не родственники. За храбрость Евстаѳій наградилъ юношей, полюбилъ ихъ всею душою и причислилъ ихъ къ своей свитѣ. Преслѣдуя непріателей вдаль отъ Рима, на вражеской землѣ, римское войско стало лагеремъ въ одной плодотворной мѣстности, не вдалекѣ отъ моря. На этой мѣстности были раскинута хижины рыбаковъ и огороды прибрежныхъ жителей. Одна изъ хижинъ, нахо-

дившаяся въ тщательно воздѣланномъ саду, принадлежала вдовѣ. Садъ этотъ былъ настолько привлекателенъ, что въ немъ рѣшено было раскинуть шатеръ полководца; не далеко отъ Евстаѳіа расположились шатрами его свита и приближенные. Утомленный труднымъ походомъ и военными подвигами, Плакида нашелъ себѣ отдыхъ въ свѣжемъ саду. Но мысли о потерѣ близкихъ сердцу всюду преслѣдовали его. Часто приходилось ему видѣться съ храбрыми двумя юношами и часто отъ нихъ переносился мыслію къ своимъ дѣтямъ, которыхъ онъ лишился. „Можетъ быть, думалъ Плакида, и мои дѣти были бы теперь такими же воинами и показали бы военныя доблести предъ Римомъ“. Чѣмъ болѣе вглядывался онъ въ юношей, тѣмъ больше сердце его распалялось непонятною и для него самого любовью къ нимъ. Благородная и мужественная осанка, прямота и честность въ словахъ и дѣлахъ, красивая наружность дѣйствительно могли плѣнять собою всѣхъ, съ кѣмъ приходилось встрѣчаться юношамъ. И они на самомъ дѣлѣ снискали скоро любовь къ себѣ всѣхъ окружающихъ. Однако, относясь ко всѣмъ дружелюбно, юноши держали себя какъ бы въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не сближались, а были дружны только между собою и повѣряли одинъ другому свои думы и чувства. Однако было у нихъ и нѣчто свое тайное, о чемъ они не рѣшились еще пока открыть другъ другу. Но вотъ однажды вечеромъ, прогуливаясь вмѣстѣ, одинъ изъ нихъ сказалъ другому: „съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились и подружались, я замѣтилъ, что у тебя на сердцѣ есть тайное горе. Я вѣрный и преданный другъ тебѣ, такъ открой же мнѣ свою тайну. Какъ другъ, я готовъ всѣмъ пожертвовать, лишь бы только доставить тебѣ облегченіе“. Посмотрѣвъ прямо въ глаза и глубоко вздохнувъ, спрашиваемый юноша сказалъ: „Да, я все скажу тебѣ, потому что ты не можешь выдать меня. Я римскій гражданинъ и... христіанинъ.“ Слова эти глубоко поразили другого юношу, и онъ съ еще большимъ вниманіемъ сталъ слушать

своего друга, который между тѣмъ продолжалъ: „хотя я былъ взятъ въ солдаты изъ той же провинціи, какъ и ты, но я не въ ней родился. Отецъ мой былъ римскимъ полководцемъ и пользовался большимъ почетомъ. Мнѣ помнится, какъ бы сквозь сонъ, что отецъ мой, отправившись однажды на охоту, три дня не возвращался домой. Мать горько плакала, боясь за его жизнь. Но вотъ отецъ возвратился, и на слѣдующую ночь мы всѣ съ нимъ, т. е. моя мать и братъ мой, отправились въ подземные корридоры и пришли въ освѣщенную комнату, на стѣнахъ которой изображены голуби, корабли, якорь... Насъ встрѣтилъ отецъ, который долго бесѣдовалъ съ отцемъ, и помнится только, что онъ говорилъ о единомъ Богѣ; затѣмъ всѣ мы были крещены и даны были намъ другія имена. Прошло немного времени и мы лишились имѣнія. Тогда всей семьей мы поплыли на кораблѣ въ другую сторону. Въ одномъ мѣстѣ отца, меня и брата высадили на берегъ, но мать была оставлена на кораблѣ. Какъ глубоко скорбѣлъ тогда мой родитель! Какъ тяжело было мнѣ лишиться своей любимой матери!.. Затѣмъ мы пошли въ глубь страны. Когда же пришли къ рѣкѣ, отецъ посадилъ меня на берегу, а меньшого брата понесъ черезъ рѣку, а когда перенесъ его и пошелъ за мною, левъ похитилъ меня и понесъ въ пустыню. Но Господь сохранилъ меня. Пастухи, увидя льва, натравили на него сильныхъ псовъ. Левъ выпустилъ меня, бросился на псовъ, одного изъ нихъ задушилъ и унесъ въ пустыню. Пастухи взяли меня, и одна женщина, живущая съ ними, ходила за мною и выростила меня. Такъ съ малыхъ лѣтъ я былъ подавленъ скорбными волнами житейскаго моря. Нѣтъ теперь у меня ни отца, ни матери, ни брата, и, можетъ быть, я потерялъ ихъ навсегда. Что же я могу чувствовать, кромѣ печали?“ Такъ юноша передавалъ печальную исторію собственной жизни своему другу. Послѣдній, слушая ее, вмѣстѣ съ продолженіемъ разсказа приходилъ все въ большее волненіе; глаза его горѣли,